ВОРОЖЕЙКА.

Извѣстное дѣло, что чѣмъ далѣе у насъ пойдете на сѣверъ, тѣмъ зажиточнѣе находите мужиковъ, и тѣмъ болѣе опрятности и роскоши найдете въ образѣ ихъ жизни. Какая разницы между бытомъ даже и богатаго крестьянина въ Воронежской, Тамбовской и Курской губерніяхъ и бѣднаго половника Вологодскаго, или Чердынца, Шенкурца; а если вы заглянете въ Колу, то конечно изумитесь обилію и даже прямой роскоши: вы можетъ быть и незнаете что есть въ Россіи такія мѣста, гдѣ крестьянки въ праздникъ не иначе показываются на улицу, какъ въ шелку и парчѣ, въ жемчугѣ; а дѣвушка выплакала бы глаза отъ позора, если бы ей пришлось вытти не въ бѣлыхъ, шелковыхъ полудлинныхъ перчаткахъ! Въ средней полосѣ у насъ живутъ, коли хлѣбъ жуютъ, а порою не брезгаютъ и мякинкой, макухой, лебедой и мезгой; — на сѣверѣ, —

волка ноги кормятъ; три четыре мѣсяца лѣтнихъ, гдѣ хлѣбъ родится, не могутъ накормить всю семью, покрайней мѣрѣ полевыя работы этимъ срокомъ оканчиваются, и остальные восемь идутъ на промыслы разнаго рода, и деньги быстро оборачиваются изъ рукъ въ руки.

Въ одинокомъ селенiи за Чердынью жилъ довольно богатый молодой крестьянинъ съ хозяйкой, и тужили о томъ, что имъ Богъ въ четыре года не далъ еще приплода. Молодая бабенка временемъ очень скучала объ этомъ и плакала. Мѣстныя знахарки истощили все искусство свое, и отчаясь въ успѣхѣ объявили, что она испорчена, изурочена самымъ знающимъ человѣкомъ, докой, и что видно, въ здѣшнихъ мѣстахъ такихъ знахарокъ нѣтъ, которыя бы могли сговорить эти уроки. Чердынскiя знахарки объявили также, что въ животѣ Марьи завелась какая нибудь гадина, которая причиной, видимой снаружи, опухоли и частыхъ болей, а по всѣмъ соображенiямъ ожидать можно помощи только со стороны восхода солнца:

въ той–де сторонѣ, какъ видно по всѣмъ примѣтамъ, есть сила могучая, которая можетъ поспорить съ такою силою, какъ твой урокъ. Какой именно ожидать помощи съ восхода солнца — это осталось недосказаннымъ и не разъясненнымъ; но бѣдная Марья день–деньской глядѣла на Сибирскую дорогу, въ чаяніи оттуда спасенія.

Лѣтняя Ирбитская ярмарка кончилась и нѣсколько купцовъ проѣхали, одинъ за другимъ, на Чердынь, а слѣдовательно и на Марьину деревню. Почти каждый разъ, когда кто проѣзжалъ, а въ особенности если останавливался для ночлега, бѣдная Марья являлась для осторожныхъ распросовъ къ проѣзжему или прислугѣ его, и даже люди привычные къ прекрасному и богатому женскому наряду здѣшнихъ мѣстъ, смотрѣли на нее съ удовольствіемъ. Въ кругломъ и бѣломъ русскомъ лицѣ ея было что–то дѣтски простодушное; привычка иногда не много щуриться придавала тонкимъ чертамъ ея какую то миловидность, а тихая грусть

одаряла ихъ заманчивою выразительностію. Проѣзжій купецъ, къ которому пришла она однажды, помолилась, низко поклонилась и стала подгорюнясь у печки, никакъ не могъ разгадать, изъ скромныхъ распросовъ ея, сопровождаемыхъ глубокими вздохами, чего ей отъ него хотѣлось; тронутый грустію и кротостію ея, онъ было предложилъ ей цѣлковый, — но извинился, когда она низко кланяясь, благодарила, сказавъ, что въ этомъ не нуждается. Она вышла и заплакала съ крайнимъ огорченіемъ, укоряя себя въ неприличномъ поведеніи, которое было причиною тому, что люди сочли ее попрошайкою, — а можетъ быть еще и чѣмъ нибудь хуже; — а всему виновато горе мое, моя кручинушка лютая, подумала она и закрыла лицо руками, залившись горючими слезами.

Дикіе голоса внезапно раздались за нею и заставили ее быстро оглянуться! Тянулся какой–то обозъ необыкновеннаго вида, странной наружности: на первый взглядъ было что–то очень пестро, хотя большею частію все одни лохмотья; смуглые,

черномазые извощики покрикивали на лошадей и другъ на друга какъ то дико, не тѣмъ голосомъ и не тѣми словами какъ обыкновенные извощики; на возахъ сидѣли бабы и дѣти, а нѣкоторые шли и пѣши и вели лошадей въ поводу; многіе изъ проѣзжихъ, и имянно женщины и дѣти, разсыпались уже по домамъ, и однообразные голоса ихъ раздавались то тутъ, то тамъ подъ окнами, то глухо и сипло, то звонко и раскатисто, то съ наглой просьбой о милостынѣ, то со вкрадчивымъ предложеніемъ открыть всѣ тайны будущей судьбы, расказать все, какъ по открытой книжкѣ. Разнокалиберные возы потянулись, и мазанные и не мазанные, съ оглоблями, съ дышлами, съ хомутами, со шлейками, то съ лыковою, то съ ременною упряжью: это были Цыгане–извощики, которые тянулись съ кладью изъ Ирбита. Идучи въ извозъ, они всегда снимаются всѣмъ таборомъ, и возятъ съ собою женъ, дѣтей и имущество.

Марья стояла пораженная этимъ явленіемъ, не потому, чтобы она никогда

невидала чего нибудь подобнаго, но потому что внезапное появленіе Цыганъ, при разстроенномъ положеніи мыслей ея, и грустномъ таинственномъ направленіи ихъ, казалось ей какимъ–то чудомъ, посланнымъ для ея изцѣленія. Видя хорошо одѣтую, молодую и пригожую женщину, въ такомъ раздумьи, двѣ или три цыганки набѣжали на нее съ разныхъ сторонъ, нагло уставили на нее рѣзко обозначавшіяся на черномъ лицѣ бѣльма свои, и кивая головою съ безстыдствомъ, навязывали свои услуги, хватая ее за руки. Одна изъ нихъ сказала наобумъ: «будетъ, будетъ тебѣ и то, чего тебѣ хочется, моя красавица, доточно и вѣрно, хорошо и желанно, да только умѣючи надо, умѣючи.» Неистовые крики трехъ бабъ почти оглушили Марью, но эти слова, сказанныя вполголоса, со вкрадчивою довѣрчивостію, сильно потрясли ея чувства: она вздрогнула, взглянула на грязную старуху, похожую на одну изъ паркъ или вѣдьмъ Шекспира, и когда та, смѣкнувъ, что добыча здѣсь сама дается въ руки, стала

приступать къ ней еще наглѣе и увѣрять съ большею положительностію, что она знаетъ всѣ бѣды, все горе ея и можетъ ей пособить: то Марья сама взяла ее за руку, отвела въ сторону и пригласила итти за собою.

Послѣ непродолжительной ворожбы или гаданья, во время коего хитрая Цыганка заставила Марью расказать ей все, что ей было нужно, она подтвердила, что это наслано урокою, и наслано злымъ человѣкомъ по вѣтру. Человѣкъ этотъ русый и злой, живетъ не на этой деревнѣ, и досадуетъ на Марью уже давно. Бѣдная Марья еще болѣе ввѣрилась Цыганкѣ, узнавъ въ этомъ описаніи, какъ двѣ капли воды, крестьянина сосѣдняго села, который сватался на ней, но по распутному поведенію своему получилъ отказъ. Цыганка сочла полезнымъ завладѣть довѣренностію Марьи, особенно когда оглянулась въ избѣ, и убѣдилась въ зажиточности хозяевъ, и потому на первый разъ вовсе отказалась отъ всякаго подарка, сказавъ, что придетъ на другой день, и

должна ходить нѣсколько дней сряду, иначе дѣла поправить нельзя. Таборъ останавливался съ кладью подъ Чердынью и потому ей не далеко было навѣщать оттуда свою *счастливую доброду*, какъ называла она Марью.

На другой день Цыганка пришла, посмотрѣла и пошептала, но ей очень не понравилось, что она застала дома мужа Марьи. Взявъ для ворожбы три десятка яицъ, она вышла, вызвала Марью на улицу, и объявила ей, что при людяхъ, даже при мужѣ, ничего сдѣлать нельзя, почему впередъ и просила назначить ей для прихода такое время, когда мужъ бываетъ на работѣ.

На слѣдующій день Цыганка опять явилась, сказала, что не нашла въ трехъ десяткахъ ни одного такого яйца, какое ей нужно, потребовала еще дважды–три десятка съ решетомъ, изъ котораго слѣдовало напередъ дать хозяйской коровѣ поѣсть отрубей, и опять отправилась. На третій день объявила, что уже почти нашла, что было нужно, но не совсѣмъ, а

потребовала, какъ сама увѣряла, въ послѣдній разъ еще трижды–три десятка яицъ, пѣтуха и курицу. Хозяйка захлопоталась, такого множества яицъ у нея не случилось, и потому она достала ихъ, съ разрѣшенія ворожеи, у сосѣдей. Наконецъ Цыганка пришла съ самодовольнымъ видомъ, и дѣлая разныя приготовленія только знаками и словцомъ шопотомъ дала знать Марьѣ, что дѣло пошло на ладъ. Она велѣла ей лечь, сама достала изъ за пазухи одно яйцо, и начала, приговаривая какія–то дикія слова, водить имъ по животу больной. Черезъ нѣсколько минутъ, она съ крикомъ прихватила что–то обѣими руками и показала на смерть испуганной Марьи, что изъ яйца этого выскочила гадина, вѣроятно лягушка или ящерица. Вотъ говорила она съ торжествомъ, держа наличное въ рукахъ своихъ, видишь ли что на тебя было наслано, а все по вѣтру, по слѣдочку.... вотъ и будешь богата и таланлива, какъ я по ручкѣ сказывала, здорова и привѣтлива,

и мужу люба, и Богъ пошлетъ вамъ все доброе, все хорошее, и сыночка съ дочкою.

Маша залилась слезами и подарила Цыганкѣ деньгами почти все, что у нея было, около двухъ цѣлковыхъ. У крестьянокъ, какъ извѣстно, своей большой казны не бываетъ, даже у богатыхъ, а деньги всегда у мужа, но два цѣлковыхъ, для Цыганки, не бездѣльная находка. Разсыпавшись въ благодарностяхъ и желанныхъ пророчествахъ, она однако же не была намѣрена кончить этимъ выгодныя посѣщенія свои, и потому объявила прямо, что это еще не конецъ дѣла, а надо еще много постараться, и притомъ только самый знающій человѣкъ, какъ она, можетъ взяться за такое трудное дѣло и благополучно довести его до конца. Когда раздули и развели за тѣмъ огня въ печи, и Цыганка съ неистовыми ухватками сожгла гадину, и бережно собрала въ ветошку золу и скорлупу яйца, то потребовала чего нибудь шелковаго и притомъ алаго свѣту для завертки собранныхъ драгоцѣнныхъ остатковъ. Не призадумавшись, Марья

наша схватила ключъ, бросилась къ кованному сибирскому коробу, отперла его, и достала оттуда красный шелковой платокъ свой. Узелокъ завернула и назавтра назначено новое засѣданіе.

Возвращаясь домой, Цыганка тряслась отъ радости и удовольствія, и придумывала, на какую бы хитрость теперь пуститься и какъ бы устроить все такимъ образомъ, чтобы поддѣть Марью и обобрать ее завтра окончательно, предъ самымъ выступленіемъ табора, который уже сдалъ кладь свою в Чердыни, и теперь возвращался въ Сибирь. Старуха видѣла еще предъ глазами всѣ богатства Марьины, въ кованомъ коробѣ и немогла разстаться съ мыслію, что желательно бы запустить туда на просторѣ руку.... но какъ это сдѣлать?

Собравшись на другой день въ урочный часъ и наказавъ въ таборѣ не ждать ее, а сыматься, обойти деревню Марьину и стать въ условленномъ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, Цыганка отправилась полѣчить свою больную въ послѣдній разъ и окончательно избавить ее отъ уроку. Засыпавъ Марью

таинственными словами и обѣщаніями, она дѣлала приготовленія свои еще съ большею замысловатостію, чѣмъ обыкновенно, осматривала углы, сплевывала въ нихъ и нашептывала что–то, завѣсила окны, заперла двери на крючекъ, требовала отъ запуганной Маши покаянія и признанія то въ томъ, то въ другомъ, и наконецъ приказала одѣваться въ чистое бѣлье и новый, но простой, кумашный сарафанъ. Когда это все было исполнено, то она поставила ее среди избы на колѣни, очертила ее ножемъ; насыпала ей пеплу отъ вчерашней продѣлки на обѣ ладони, приказавъ держать ихъ передъ собою осторожно, чтобы не просыпать, положила ей еще яйцо на голову, велѣвъ стоять какъ можно смирнѣе, а затѣмъ подобрала вокругъ нея подолъ сарафана, накинула его чинно и осторожно ей черезъ голову и собравъ связала мужениным ъ пояскомъ, надъ которымъ также предварительно поворожила. Стой же смирно, сказала Цыганка, и прислушивайся только, не будетъ ли надъ тобою изъ яйца голоса; а

сама начала ходить взадъ и впередъ, возиться и стучать, выбирая изъ кованаго короба все, что было тамъ хорошаго, неисключая разумѣется и жемчужнаго кокошника и ожерелья, и складывая все это въ раскинутое рядно. Марья сама отперла коробъ, когда ее Цыганка заставила переодѣться, что безъ сомнѣнія и было придумано съ этою цѣлію. Теперь, сказала ворожея надобно мнѣ пройти безъ оглядки до нижняго колодца, зачерпнуть воды въ желѣзный ковшъ и принести ее сюда. Стой же ты смирно и прислушивайся, жди меня, не шевелись.

Покорная Маша ждала долго, наконецъ и у нея терпѣніе стало на исходѣ. Но вотъ отворяется сѣнная дверь, а за тѣмъ и другая, въ избу, и кто то входитъ. Ты это бабушка, спросила робко Маша.... Господи Боже мой, и мать Пресвятая Богородица и всѣ святые съ нами, — отвѣчалъ не бабушкинъ, но другой знакомый голосъ Марьѣ — Господи, что это такое? Марьюшка, ты ли это? Ряхнулась ты что ли? а добро–то твое все раскидано: —

коробъ–то почитай порожный, а сама–то ты.... ха, ха, ха, и покатилась со смѣху! Маша вскочила, позабывъ всѣ строгіе наказы Цыганки, позабывъ и золу на ладоняхъ и яйцо на головѣ. Сосѣдка, помирая со смѣху, развязала ей сарафанъ надъ головой — и бѣдная хозяюшка моя всплеснула руками, когда взглянула на порогъ свой, и взвыла горькимъ плачемъ. Теперь она поняла все.

На деревнѣ сдѣлалась тревога, кто дома былъ изъ мужиковъ кинулись верхами по Чердынской дорогѣ — но табора уже съ утра и слѣдъ простылъ. Кидались по сторонамъ, наконецъ заявили начальству — Тѣмъ, разумѣется, дѣло кончилось. Но бѣдная Марья лишилась забавнымъ образомъ всего приданаго своего и всѣхъ подарковъ мужа. Но вотъ что: и Маша и мужъ ея не долго убивались по этому горю — видно Цыганка знала свое дѣло и обобрала Марью не даромъ: она черезъ годъ принесла сыночка, который принесъ съ собою и всякую благодать на нашу чету. Дорого заплатили мы за тебя, говаривалъ

отецъ, качая на рукахъ парнишку, да власть Господня, по наживному добру не топиться стать — наживемъ опять!

В. ДАЛЬ